

ВАСИЛИЙ ПОГОНЯ

ХЕЛЬВАРАН

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ВЛАДЫЧЕСТВА

Василий Погоня

Хельваран. В двух шагах от владычества

«Автор»
2025

Погоня В.

Хельваран. В двух шагах от владычества / В. Погоня — «Автор», 2025

Падение Небесной Скалы вздыбило континент. Однако, содрогнувшийся от землетрясений, мир изменился не только в ландшафте и климате. Построенные магической мощью Предвечных, города скрылись под гигантскими волнами, а оставшиеся приходили в упадок, поскольку опекавшие их маги теряли былое могущество.Один из оставшихся колдунов, собрав остатки былой силы, создал зачарование для металла, делающее его неуязвимым. Однако, возлюбленная жена мага Тауриндира изменяет ему со стражем, нанятым охранять их обитель. Даже магическое зачарование не защищает от любовных измен. Старый маг сходит с ума, но весть о несокрушимом доспехе достигает слуха не только властителей королевства, где поселился маг – это слишком лакомый кусок, чтоб оставлять его без внимания. Король Готии ожидает нападения Орды, да и заморские гиганты не прочь прибрать себе магический металл…

© Погоня В., 2025
© Автор, 2025

Содержание

На заре 5
Нечестивец 8
Кольца змей 16
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Василий Погоня
Хельваран. В двух шагах от владычества

На заре

(пролог)

– Замри, – прошептали её губы едва слышно. Пальцы женщины, чуть касаясь, двинулись вверх по его обнажённой груди. – Расслабь плоть… не двигайся.

Страж замер, ощущая, как чудное покалывание испещрённой шрамами кожи в один миг охватило всё его тело, которое немедленно забилось в конвульсиях наслаждения. Стремясь сохранить удовольствие как можно дольше, любовники закрыли глаза и слились в объятьях, когда дверь спальни бесшумно отворилась. Оглушённые любовью не заметили, как в освещённой сальной свечой комнате появился третий персонаж. Одетая в хитон мрачная фигура, будто в нерешительности, опиралась на короткое копьё.

Несколько мгновений низкорослый сухощавый мужчина простоял неподвижно, с ужасом наблюдая сцену на покрытом шкурами ложе. Всё было кончено. Его многомесячный труд погиб из-за низменной похоти. Он берёг её девственность ради нескольких капель крови, необходимых для зачарования, и вот – какой-то стражник, который должен был сберегать его от опасности, отправил все труды старому коту. Когда женщина застонала, он не смог больше сдерживать свой гнев – словно воин, ожидавший гудка фогхеда, колдун сжал холодной ладонью деревянную рукоять, надёжно скреплённую с металлическим наконечником заклёпками, и сорвался с места.

Со злорадным удовлетворением вонзил он широкое острие копья в её спину, пронзил насквозь узкую девичью плоть и пригвоздил рванувшегося навстречу смерти стража. С презрением сплюнув на пол, маг, не оглядываясь на распластанные на шкурах тела, прикрыл дверь и вернулся в неопрятный зал, где, вокруг погасшего очага были разбросаны вещи, его рукописи и книги. Он неожиданно обнаружил, что ни на чем не может остановить свой взгляд – все предметы потеряли чёткость контуров, расплылись в чёрно-красном мареве. И без того тонкие нити, которые кое-как до сих пор ещё поддерживали его связь с реальным миром, порвались, подобно лопнувшим струнам на лютне. Уже год они подвергались невыносимым нагрузкам, маг слишком часто обращался к демонам за советом, и вот неизбежное произошло. Но низкорослому мужчине внезапно стало легче. Предметы в зале вновь обрели чёткость очертаний. Он перестал думать об изменнице, застывшей в холодных объятьях в соседней комнате, и бесшумно выскользнул из зала.

Нечестивец

Барон Эрроганц спустился по лестнице постоялого двора «Лужитания» и протянул стоящему за стойкой слуге ключ от номера.

– Доброго вечера, месьор, – мужчина отвесил глубокий поклон, который предназначался лишь самым именитым и важным клиентам лучшего постоялого двора в городе Берлога. – Карета ожидает.

Барон Эрроганц кивнул. Он был похож на легендарных карликов из-под горы, которые, по общему мнению, выдумали деньги: маленького роста, с крючкообразным носом. Только глаза – светлые, но жёсткие, пронзительные, но при этом печальные – подчёркивали незаурядность его натуры. Видимо, достижение столь высокого положения при таком малом росте и незначительном первоначальном титуле не было случайностью, а послужило наградой за превозмогание большого числа трудностей. Так выглядел один из богатейших людей на континенте, чьи торговые авантюры опутывали все его королевства. Новый мир покорился новой магии золота.

Бароны Эрроганц не всегда были аристократами. Ещё дед нынешнего барона пиратствовал в Великом море, ссужал деньгами королей и выкупил себе за долги у них титул. Его отец был кондотьером и сам ходил в грабительские походы с тысячами наймитов. Клан Эрроганц, благоларя своей фамильной беспринципоности, быстро получил огромное влияние на политику, на торговых магнатов, на британийских и тартарских мореходов. Подобно гигантскому мохнатому пауку, сидел барон в центре своей торговой паутины и высасывал досуха любого попавшего в неё глупого «жука», преумножая своё, и без того несметное, богатство.

Сегодня на бароне был высокий бархатный шаперон, который должен был, по замыслу коротышки, увеличить его рост, и широкий бархатный же плащ, отороченный белой шёлковой подкладкой, призванной скрыть тщедушность магната. Аметист, красовавшийся в центре орденской цепи, мог украшать самого короля Терсика, но тот наградил им барона. Это было само олицетворение власти нового мира – драгоценный камень, оправленный в золото. Тот, кому доводилось заглянуть в эти широко открытые холодные глаза, мгновенно понимал, насколько стоящий перед ним человек беспощаден и расчётлив.

Он важно подошёл к двойным дубовым дверям. Лакей, с напряжением ожидавший этого момента, тут же распахнул двери и, кланяясь, снял в знак почтения треугольную шляпу и подмёл её острым краем пол. Барон Эрроганц не обратил на него никакого внимания. Он вышел на улицу, глубоко вдохнув бодрящий холодный ветер, приблизился к черной карете, где его ожидал Акатль, домашний раб и кучер барона, купленный у пиратов в качестве диковинного краснокожего пленника из-за Великого моря.

– У меня встреча у Ворот Бера. У тебя мало времени, чтобы доставить меня туда, – сказал барон Эрроганц. – Я должен быть там вовремя, или ты снова отведаешь плетей.

Он сел в карету, Акатль захлопнул дверь, скользнул на козлы и стегнул коня вожжами. Экипаж тронулся.

Барон Эрроганц взял из кармашка в кожаной обивке кареты деревянную кружку и нацедил из бочонка вина. Эту карету смастерили по специальному заказу Эрроганца, и в ней были все возможные чудеса роскоши, недоступные в обычных дилижансах: кармашки со спичечницей, мыльницей, гребешками, щётками; большие ящички для провизии, а к потолку подвешивались разнообразные узелки и мешочки с печеньем и жарким. Отхлебнув из кружки, барон зажёг остеклённую масляную лампу, вытащил из-за пазухи свитки и принялся их изучать.

Скоро экипаж замедлил ход. Они достигли восточной стороны города Берлога. На огромном валуне тартарскими резами было высечено: «Здесь ты уходишь из Берлоги, да хранят тебя боги».

Ухмыляясь в бороду, стражник махнул рукой, показывая, что с его стороны проезд открыт. Обитая чёрной кожей карета барона со скоростью улитки подкатила к большим, посеревшим от времени деревянным надвратным башням, которые перегораживали дорогу. По ту сторону ворот была уже неведомая земля тартарская. Карета остановилась. Страж в меховом малахае и с мечом на боку заглянул в короб кареты. Барон Эрроганц подал свой ярлык сквозь оконце дверцы. Лицо его оставалось бесстрастным. Лишние неприятности ему ни к чему. Его дела по ту сторону Камня были слишком важными, чтобы напрасно терять время на какого-то сторожевого пса. Кожаный лоскут вернули, ворота были открыты, и карета барона выехала из Берлоги. Торчащие из стен башен железные прутья были расположены настолько хитроумно, что ни один экипаж не смог бы миновать эти препятствия на большой скорости.

Зато за вратами Акатль дал волю хлысту. «Такова наша подневольная жизнь», – думал он, мысленно прося прощения у коня – невиданного в его родном краю заеря – либо я сейчас нахлещу тебя, либо вечером нахлещут меня».

Набрав скорость, карета, громыхая, пролетела по пыльному тракту, свернула налево, под сень липового леса. Однако, скоро он резко закончился и показались залитые светом факелов Ворота Медведя – на большом пустынном поле, очищенном от деревьев, они производили сильное впечатление.

– Остановись здесь, – приказал Барон Эрроганц, постучав посохом по стене кареты.

Едва экипаж остановился, из ворот вышел высокий, широкоплечий человек. Смеркалось, но даже в неярком свете сложно было не заметить, что одет он убого. На нем были донельзя заношенные кожаные штаны, мятая выцветшая шапка с меховой оторочкой, мешковатый запылённый плащ тёмного цвета с пристёгнутыми назад рукавами. Он подошёл к карете, и барон Эрроганц сразу открыл дверцу экипажа. Мужчина, которого прозвали Чурым, сел рядом с бароном, сверкнув из-под плаща навершием кинжала. Эрроганц тут же приказал Акатлю отъехать в липовый лес.

– Итак, – обратился он к Чурому, – надеюсь, нынешняя беседа положит конец сему томительному промедлению. Знай, что твой хан – не единственный властитель, чей взор обращён к Хельварану. И без того золотые песчинки времени утекают меж пальцев.

Чурый сложил мозолистые руки на коленях. Тепло внутри кареты после долгого ожидания на холоде расслабляло. Вдохнув запах дорогого вина и аромат благовоний, он ощутил

болезненную неприязнь к собеседнику. Если этот кунарь, которого даже его правители считают лукавым плутом, надеется подъять его под свою длань, то скоро лихоимца ожидает нечаемое диво.

– Не крадутся ли чужие уши близ наших речей? – спросил Чурый.

– Не крадутся, не крадутся.

– А верен ли возница сей? Коню доверяй, а вознице – с оглядкой.

– Верен, – краткие ответы Барон Эрроганца показывали, насколько ему скучно.

Выдержав паузу, Чурый сказал:

– Я вечевал с моими людьми. Они мнят, что нет в твоей речи правды земной.

Барон Эрроганц сжал кружку.

– Ваши сомнения мне понятны – ибо и мою душу терзали подобные мысли, ныне канувшие в прошлое. Посему слушай: я согласен доверить твоему господину тайну Хельварана. Но предупреждаю – пусть он не медлит с ответом, ибо другие могущественные особы так же алчут его.

– Верю-то я верю, да вот беда…– недовольно сказал Чурый. – И без твоей подмоги добыли бы мы грамоту тайную! Да что толку? Написано незнаемо, прочесть – невмочь. Два года ученые люди ломают головы – да все тщетно!

– Сей секрет будет раскрыт, – спокойно сказал Барон Эрроганц. – Ибо нет преграды для мужа, чей ум остр как клинок, а кошель наполнен золотом. Я предлагаю твоему властелину разгадку тайны Хельварана, и клянусь честью: если решение не удовлетворит его, золото вернётся в его сундук нетронутым. – Барон Эрроганц некоторое время рассматривал тлеющий кончик фитиля в лампе. Он глянул через окно. Там совсем стемнело, и возница топлатся у кареты в замешательстве, не решаясь без приказа разжечь наружный фонарь кареты.

— Сердцем ли речёшь, иль языком треплешь? – Голос Чурого дрогнул. – Волхвы премудрые, и те сдались, а ты – один – дерзаешь? Не лжёшь ли?

– Клянусь златом моих подвалов, не стал бы я маяться в этой богом забытой дыре, не имей я здесь интереса! – Скучным голосом промолвил барон Эрроганц. – Ты всерьёз полагаешь, что я пустился в этот опасный путь ради созерцания твоей морды, поросшей, как болото мхом, и этих жалких чахлых деревьев? – Барон Эрроганц махнул в сторону тёмной чащи. – Повторяю в последний раз – называй свою цену.

Чурый перевёл дыхание.

– Слово державное несу: за разгадку тайны тёмной положили злата гору – полсотни! – Он замолчал, потом добавил: – Иному на век хватит!

Барон Эрроганц рассматривал кончик фитиля. Нечто, вроде этого, он и предполагал. Его обуяла холодная ярость. С какими ничтожествами приходится иметь дело!

– Ты это серьёзно? Не лжёшь ли? – Он со злорадством спародировал Чурого.

Чурый глянул на барона. В неровном свете лампы лицо купца казалось белой головой хищной птицы.

– Быть тому. Да смотри, коли дело криво выйдет – несдобровать тебе!

– Это заклятье – не бродячая девка, чтобы переходить из рук в руки! Оно должно принадлежать лишь одной короне, – спокойно сказал Эрроганц. – Два дня даю вашим чернильным душам на проверку. Но если к третьему утру не увижу платы – пергамент будет в руках иного монарха. Ты внемлешь моим словам?

– А какова порука нам, что ты, злато взявши, не продашь ту грамоту иным царям? – Чурый восхитился собственной проницательностью.

– В делах, где замешано золото, я честен, как аргосская весталка, – отрезал барон.

Чурый кивнул.

– Ладно. Пусть будет по-твоему…

– По-моему? Неушто? Как я понял, вы предлагаете пятьдесят монет золотом? Ты дерзко шутишь! – Барон Эрроганц чуть повысил голос. – Позволь кое-что сказать тебе, мой щедрый друг… – Эрроганц сделал паузу. Его полузакрытые глаза некоторое время изучали лицо Чурого, освещаемое светом лампы. – Мой гонец уже шепнул на ухо заокеанскому владыке о сём заклинании – и тот, не моргнув глазом, сразу назвал приемлемую цену. Без затей он предложил шесть сотен золотых. Ты расслышал? Шесть. Сотен.

Чурый застыл.

– Шесть сотен златниц?! – прошептал он. – Да за это целый град из дани навечно выкупить можно!

– Ты так думаешь? – холодным тоном спросил Барон Эрроганц. Его поза и голос подчёркивали презрение. – Но заморские правители так не думают. – Он замолчал, глядя на огонь лампы. – Что ж, прекрасно, будем считать, что сделка не состоялась. – Отодвинув занавеску на окне, он приказал Акатлю: – Домой!

Чурый вытер вспотевшие ладони о край плаща.

– Не сыскать столько злата у хана моего, хоть всю Орду перетряси! – хрипло сказал он.

– Не сыскать? Неужто вы так бедны? – Барон Эрроганц раздавил насекомое, пригревшееся на стекле лампы. – Жаль. Хотя слова какого-то гонца и не стоят моего внимания. И, пусть краснокожие мне противнее тартарской саранчи – дело есть дело, и тянуть его не стану. Семь сотен полновесным золотом – и через три луны ваши колдуны получат разгадку Хельварана.

– Ой, не гневись! Руки у меня коротки – как смею я казну без ханского слова растрясти? – Забормотал было Чурый, но барон Эрроганц перебил его.

– Излишне напоминать мне очевидное. Возвращайся к своему господину – и да свершится то, чему суждено свершиться. Я буду ожидать ответа в «Лужитании» … если твой повелитель согласится на мои условия.

– Не угодно ли тебе на местных дворах погостить? – спросил Чурый, тщетно пытаясь обрести былую уверенность. – Здесь и беседы вести будет сподручно, и вина испить… А в той харчевне – уши лишние!

– Чтоб я остался ночевать в этих пропахших луком стенах? – Пробурчал Барон Эрроганц, в то время как карета тронулась с места. – Извести меня, когда твои слова станут стоить моего времени, – он открыл дверцу экипажа.

Насмешливо сверкнули из-под меха шапки глаза Чурого, однако он ничего не сказал и выскочил из экипажа на ходу. Барон Эрроганц тут же постучал посохом по обивке.

– В дорогу – и чтобы к закату я уже не видел этих унылых стен!

Они прибыли к Камню скоро, но этого времени Чурому вполне хватило, чтобы отправить почтового голубя. Двое стражей в кольчугах уже поджидали их.

Ворота были открыты, и карета въехала на заставу. Вновь потребовался ярлык Эрроганца. Стражник не торопился. Барон ожидал вместе с ещё несколькими британийскими купцами, которые ехали в земли Тартарии для того, чтобы посетить Новеградскую ярмарку. Вскоре они уехали. Барон Эрроганц ждал. Наконец, уже после полуночи, страж с самодовольной ухмылкой вернул ярлык барону, жестом давая понять, что тот свободен.

Старик был взбешён, но молча вернулся к карете. Но там уже копошилось двое стражей. Открыв двери и сундуки, раскрыв все мешки и кармашки, они пядь за пядью осматривали внутренности экипажа. Барон ходил взад-вперёд, пытаясь хоть как-то согреться, и еле сдерживал клокотавшую его тщедушное тело ярость.

Акатль подошёл к нему, на его, словно высеченном из камня, лице было беспомощное выражение.

– Простите, господин… Они… они спрашивают про ремни короба. – сказал он.

Барон Эрроганц подошёл к карете.

– В чем дело? – спросил он.

Один из стражей осветил фонарём ремни под днищем экипажа.

– Что за диво?

– Ремни. На них висит короб этой кареты.

– Мы видим. Нам необходимо его снять.

– Снять? – полузакрытые глаза барона Эрроганца расширились. – К чему это? Эти ремни – простая гужевая сбруя. В них не спрятать даже мышиного хвоста.

– Складывай да докладывай, – деревянным голосом сказал страж. – Всё досмотрим!

Барон Эрроганц глянул на Акатля.

– Ты сможешь их снять?

– Да, месьор, но это займёт много времени.

– Сделай это, – Барон Эрроганц уселся на один из ларей, налил себе вина, пытаясь сдержать в узде свои чувства. Он понимал, что находится на чужой земле, и эти безголовые дуболомы в малахаях в данном случае обладают большей властью, чем он.

Двое стражей с интересом наблюдали, как Акатль с подоспевшими работниками заставы разбирают короб кареты. Посередине действа ворота открылись, и на заставу въехал всадник. Из седла выпрыгнул Чурый и быстро направился к карете. Кивнув стражам, он присел рядом с Эрроганцем. Стражи разрешили Акатлю прекратить разбор и отошли.

– Прости, мил человек… да иного пути не было, – сказал Чурый. – Ну да ладно – семьсот монет звонких – твои, если заклятье то, как есть, откроешь!

Барон Эрроганц отставил в сторону вино и глянул на Чурого, после чего жестом показал Акатлю, что пора ехать.

– В «Лужитанию», – распорядился он.

Когда обитая чёрной кожей карета барона остановилась у ворот, никаких осложнений уже не возникло. Створки ворот раскрылись, и карета въехала на землю Готии. По дороге на постоялый двор барон Эрроганц сидел недвижно. Мрачное выражение на его морщинистом сменила улыбка триумфа.

Посте долгих напряженных месяцев, потраченных на интриги, выслеживание и подкуп, цель достигнута, и несметная мзда вскоре будет в его руках.

* * *

Постоялый двор «Лужитания» в Берлоге содержался тем же кланом, что и постоялый двор с таким же названием в Лондиниуме, и считался, и не без оснований, самым дорогим и роскошным в Берлоге. Расположенный почти рядом с рекой Хавола, он был излюбленным местом остановки крупных торговцев, феодалов и родовой знати. Именно здесь заключались торговые сделки и мало чем от них отличающиеся династические браки.

Барон Эрроганц из года в год снимал там верхний этаж. Когда барон планировал очередную крупную сделку, он всегда поднимался на галерею на крыше. Здесь он свысока смотрел на город и копошащееся внизу отребье. Здесь ему хорошо думалось.

Вот и сегодня, глядя на реку и переполненный судёнышками порт, одетый в красный бархатный блио и голубые полотняные шоссы, прохаживаясь по террасе с кубком вина «Чёрная сосна», он напряженно размышлял. Одхан, пройдя по песчаным блокам галереи, подошёл к нему и встал рядом.

Глянув на гостя холодными, словно сонными, глазами, барон Эрроганц коротко спросил:

– Оно… доставлено?

Одхан протянул ему большой свиток.

– Не наследили? – спросил барон, раскатывая пергамент.

Зная Одхана, Эрроганц не вдавался в детали. Он некоторое время рассматривал непонятные символы, затем свернул свиток.

– Не понять мне, как за это можно выложить семьсот золотых, – задумчиво сказал он. – Однако, пока что эта колдовская грамота не стоит и пенни.

Одхан промолчал. В обществе барона он вообще говорил мало, позволяя себе только отвечать на прямые вопросы. Он питал к этому коротышке огромное почтение, высоко ценя его разум и могущество, благодаря которым тот смог совместить величие титула с законами нового мира, не гнушаясь, при этом, любыми средствами, ведущими к достижению цели. Барон Эрроганц обладал мощнейшим наитием, позволявшим идти к цели кратчайшей дорогой.

– Но это – не моя забота… – Барон Эрроганц отхлебнул вина. Игра оттенков тёмно-вишнёвого вина создавала ароматы леса, вкуса ягод и восточных специй – таких же разнообразных и несовместимых в естественной природе, как принципы самого барона.

– Чтоб верно решать, что к чему, смотри в оба – ибо последнее слово будет за тобой. Я отправлюсь в Бойхем. Там кое-что требует моего внимания… Так что жди меня не раньше, чем через два месяца. – Он холодно посмотрел на Одхана. – К тому времени, полагаю, заклятье будет разгадано. – Одхан уставился на носки тщательно начищеных остроносых кожаных пуленов. Его породистое лицо осталось бесстрастным.

– На свете есть лишь один человек, которому по силам раскрыть секрет Хельварана, – продолжил барон после короткой паузы. – Тот, чьё имя Тауриндир. Он не только разгадал тайну Хельварана, но и сам, с помощью колдовской мудрости, скрыл её в загадочных знаках, недоступных непосвящённым. Послушай, я вкратце расскажу тебе об этих чарах: новый металл – настоящее чудо металлургии, которому позавидуют даже подгорные гномы. По слухам, он в десять раз легче стали и в три раза прочнее; чары делают его неуязвимым. Из этой материи можно создать лёгкое, но смертоносное оружие и латы, которые не пробьёт ни меч, ни стрела! Истинно говорю: тот, кто владеет Хельвараном, станет невредимым на поле боя.

Как тебе, верно, известно, колдун Тауриндир ныне пребывает в приюте для душевнобольных, где томится под стражей уже два года. Король Терсик поместил его туда в надежде, что в здравом уме он вернёт ключ к тайне. Но время и стены не властны над ним: целыми днями он сидит неподвижно, словно истукан, и в глазах его – бездна, в которой тонет суета мира. – Барон Эрроганц умолк, чтобы сделать ещё один глоток пряного вина. – Не стану пересказывать всё его прошлое бренное житие, но он пришёл в Бойхем, город, где расцвела колдовская наука, и основал там собственную лабораторию, где творил деяния, известные лишь тьме. Даже простым смертным было ясно, что разум его помутился. Он стал гневлив, подозрителен, и сон покинул его, словно демоны денно и нощно шептали ему в уши. Прежде чем обрести Хельваран, он женился на девушке, ибо нуждался в её девственной крови для ритуала. Но измена этой женщины стала последним ударом, сокрушившим его рассудок… Вернёмся к делу: у его супруги была служанка по имени Зельда. Она – ключ ко всем тайнам, ибо она имела доступ в лабораторию мага. Но о ней речь впереди.

Итак, однажды колдун застал свою жену в объятиях стражника. Он убил его, как зверя, и хотел лишить жизни и распутницу, но её спасло чудо, посланное её бестелесными хранителями. Его схватили, когда он бродил по улицам, подобно нищему безумцу, и заточили в дом для таких же, как он, где томится и поныне, неподвижный, как деревянный истукан, в тишине, где не слышно ни отголоска его былой мощи.

Одхан поменял положение ног и просил с заметным напряжением:

– Разве безумец сможет раскрыть заклятие Хельварана?

– Да, ибо установлено, что ключ к тайне прост, как солнечный свет, но без него она – загадка, делающая зрячих слепцами. Скорее всего, Тауриндир заменил слова и числа, опираясь на свиток какого-то древнего манускрипта.

– А где же дева Зельда? Где она? – Спросил Одхан, переводя взгляд с загнутых носков своих башмаков на Эрроганца.

– Она служит в каменном чреве богадельни, где стены шепчут о скорби, а на окнах – тюремные решётки. Именно от неё до нас дошли слухи о могущественном металле. Маг смотрел на Зельду с благосклонностью, дарованной лишь избранным, и доверял ей, как самому

себе: часто рассказывал о своих опытах, словно купался в её внимании. Но вот что поразительно: он с яростной страстью провозгласил, что никто – ни король, ни хан-император, не достойны унаследовать плоды его разума. Говорил он это, дрожа, как лист на ветру, и глаза его горели адским огнём. Тогда его речи сочли бредом безумца, но дева Зельда поклялась, что видела сам металл – сияющий, как луна, и лёгкий, как ветер. В лаборатории маг колдовал над ним, вливая в него силы тьмы и света. Однако, когда начались поиски, все закоулки были обысканы, но след был утерян, словно сокровище в море. – Он испытующе глянул на Одхана. – Остались ли у тебя вопросы?

– Множество, – ответил Одхан. – Но ответить на них сможет только Зельда.

Жестом руки барон отпустил Одхана, поудобнее уселся в резное кресло и принялся любоваться рекой, сверкавшей в солнечных лучах.

Кольца змей

Лучи восходящего солнца проникли сквозь оконные решётки. Зельда заботливо прибрала на столе, растопила печь, залила в котёл воду и всмотрелась в своё отражение в её глади, поправляя волосы.

Две кухарки, наблюдая за ней, захихикали.

– Не старайся так усердно, дорогуша, – сказала одна из них. – Ни один мужчина того не стоит!

Зельда зарделась.

– Этот стоит, – твёрдо сказала она и торопливо покинула помещение, направляясь на улицу.

Зельде исполнилось двадцать лет. Она была привлекательной, хотя и не отличающейся особой красотой девушкой, невысокой, но с хорошей фигурой. Русые волосы, голубоватые глаза и чуть широковатый носик выдавали её северное происхождение.

Прошло чуть больше двух лет, как она не работала в лаборатории Тауриндира. Память о тех днях потускнела, хотя время от времени Зельда все же вспоминала о них. Нынешнее её положение было скучным, и она с сожалением вспоминала, как интересно было работать с магом Тауриндиром. Но к чему лить воду в реку… Зельда влюбилась. Несколько месяцев назад на одном из праздников Колеса Года она познакомилась с молодым человеком, писцом в скриптории. Его звали Хольд. С первого взгляда они мгновенно понравились друг другу. Сегодня был праздник урожая, и Зельда пригласила его в гости. Это был первый раз, когда она пригласила его к себе в свою девичью обитель. В первый раз ему удастся полакомиться самолично приготовленными ею блюдами, а своим кулинарным искусством Зельда по праву гордилась. Придётся поспешить, чтобы приготовить всё необходимое, нарядиться к приходу Хольда, так как до города добрых пять миль.

В праздничный день движение на улицах было весьма оживлённым, и Зельда лавировала меж повозок, всадников и пешей публики. Это ей удавалось с завидной грацией, праздничное настроение захватило её, и она не обратила никакого внимания на двух наездников, стоящих на обочине. Зато сидевшие в сёдлах мужчины не отрывали от неё глаз.

– Она, – вполголоса проговорил Ульф, толкнув коленями бока коня и устремляя его вслед юркой девушке. Толпа расступалась перед ездоком, и он медленно пристроился за Зельдой.

– Летит, как камень с гор! Посмотри – несётся сломя голову, – заметил Сигурд, перебирая поводья. – Словно одержимая весельем! Ха! Праздник пьянит девиц, как медовый эль! – Сигурд презрительно хмыкнул. Старый воин не жаловал молодых девушек. Зельда быстро добежала до своей улицы. Двое всадников следовали чуть позади.

На ужин она хотела приготовить жареного каплуна, с пряным соусом. Это блюдо Зельда считала своим шедевром. Она как раз выбирала дичь, как вдруг бородатый северянин с глазами навыкате едва не упал на неё.

– Прости, дева! – Сказал он, прижимая руку к груди. – Моя нога поскользнулась на жире! – И растворился в толпе.

Зельда повернулась к торговцу.

– Видел? Он едва не сбил меня с ног!

Зрелого возраста торговец широко улыбнулся.

– Что в этом странного, прекрасная госпожа? Когда я вижу тебя, сам едва не падаю, и то – потому только, что привык к твоей сногсшибательной привлекательности!

Зельда рассмеялась.

– Хорошо… Впредь буду знать… Взвесь-ка вот этого, да поскорей, пожалуйста…

В дальнем углу лавки на перевернутом бочонке сидел Азел Валф, рыночный воролов. У него ныли ноги от топотни по городу. Он отдавал себе отчёт, что его место на улице, где он должен постоянно маячить, высматривая нечистых на руку ловкачей. Однако, прослонявшись там с самого восхода, он решил, что заслужил небольшой отдых.

Азел вздрогнул, когда чья-то твердая рука легла на его костлявое плечо. Азел Валф виновато встрепенулся и глянул на высокого незнакомца со шрамом, рассекающим всю щёку и лоб.

– Ты ведь воролов, верно? – пробасил высокий мужчина.

– Да… а в чем дело? – спросил Азел Валф, пытаясь собраться с мыслями.

— Та девица – в мясной лавке, – кивнул в сторону высокий мужчина. – за ней глаз да глаз нужен. Только что мимо ювелирной прошмыгнула… И, надо сказать, работу чисто сделала.

– Беловы путы! – Воскликнул Азел Валф. – Где же она?! –

– В мясных рядах – лови, пока не ушла! Русая бестия, в плаще зелёном, будто лесная кикимора.

– Шагай за мной, укажешь на неё! – Сказал Азел Валф. – Твои глаза видели – твой язык должен подтвердить.

Высокий мужчина усмехнулся.

– Ой, друг! Мои глаза – для счёта монет, не для чужих грехов. Ты ж воролов – тебе и стеречь, как совесть велит! – И, развернувшись, он моментально затерялся в толпе.

Азел Валф заколебался, но – работа есть работа, и, проклиная свою жизнь, поковылял в мясные ряды.

Зельда как раз закончила отсчитывать медяки в уплату за птицу и заторопилась к выходу, неся в руках большую корзину с продуктами. Едва она успела выйти на улицу, как вдруг почувствовала, что кто-то крепко ухватил её за локоть. Она оглянулась.

Возле нее стоял человек с отёчным лицом почечного больного. Он смотрел на Зельду тем жёстким взглядом, который бывает только у вороловов. Выражение испуга на лице девушки укрепило Азела в мысли о том, что она действительно виновна.

– Позволь проводить тебя обратно в лавку, пресветлая госпожа. Эти уличные ветры слишком грубы для твоей нежной благородности, – сказал он, сжимая локоть девушки горячей властной рукой.

– Отойди сейчас же! – Воскликнула Зельда. – Или я позову стражу – и ваши руки познакомятся с дыбой!

– Я – местный воролов, прекрасная госпожа, – сказал Азел Валф. – Увы – закон есть закон даже для таких милашек. Или мне позвать стражу?

Городской стражник Торнсон, как всегда, по праздникам прогуливался по улицам, по привычке осматривая все вокруг. В настоящий момент его интересовали торговцы травяными отварами: здоровяку-эйри отчаянно хотелось пить. Обычно во время таких прогулок он выпивал не меньше десяти кружек мятного чая, и сейчас собирался выпить шестую. Он увидел Азела Валфа, который разговаривал с русоволосой девушкой, крепко держа её за локоть. Торнсон и Азел Валф долгое время проработали вместе. По всему было похоже, что Азел Валф поймал воришку.

– Что стряслось? – спросил Торнсон.

– Немедленно заставь этого грубияна убрать руки! Разве ты не видишь – я не преступница, а жертва его тупости! – воскликнула Зельда. Несмотря на гнев и дерзкие слова, вид у неё все же был испуганным.

– О да, ещё одна «невинная душа» случайно прихватила чужое? – сказал Азел Валф. – Ладно, Торнсон, тащи её… к ювелиру.

– Пойдём, милая, – сказал Торнсон. – Там разберёмся, что к чему.

– Нет-нет, вы не понимаете… Это ошибка – клянусь, я ничего не брала! – Залепетала Зельда. – Вы погубите меня!

– Сказано же – пойдём. – Торнсон нахмурился. – Я не спрашиваю. Приказываю!

Её лицо залилось пунцовой краской, глаза вспыхнули. Зельда некоторое время стояла в нерешительности, затем, повинуясь силе, в сопровождении стража и Валфа прошла в ювелирную лавку. Она заметила, как смотрят на неё люди, и их осуждающие взгляды заставили её ещё больше заволноваться и смутиться: «Я подам на них жалобу ассизам! – пообещала она себе. – Нажалуюсь так, что у них самих уши будут гореть!»

Ювелир, толстый, весёлый человек, разглядывал Зельду с плотоядным интересом.

– Замечена в воровстве из твоей лавки, – отрапортовал Азел Валф.

Ювелир бросил на стражника недоверчивый взгляд. Он не видел этой девушки в своей лавке, а то обязательно запомнил бы такой лакомый кусочек.

– Ты это сам видел? – уточнил он.

Азел Валф заколебался, затем кивнул.

– О, он ещё спрашивает! Да я из-за угла наблюдал, как она эту безделушку в рукав пихала.

– Это ложь! – воскликнула Зельда. – Я и близко не подходила к этой лавке!

– Прошу тебя, прекрасная госпожа, покажи, что у тебя в сумочке под плащом, – предложил ювелир.

– Там только мои скудные монеты, – Зельда резко отодвинула край плаща, чтобы открыть прятавшийся под ней кошель, и холодная дрожь пробежала по её спине – массивный браслет с камнем вывалился из складок её одежды и в повисшей тишине, звякнув, покатился по полу под ноги воролву. Она сжала кулаки, чувствуя, как кровь отхлынула от лица. – Это какая-то ошибка… Я.… никогда не…

Розовощёкое лицо управляющего помрачнело.

– Не пытайся разыгрывать удивление, прекрасная госпожа. Меня этим не проймёшь.

Дрожа, девушка взмолилась.

– Это не я! Кто-то… кто-то подбросил! Я бы никогда не взяла эту безделушку – вы же видите, меня в дрожь бросает от одной лишь мысли об этом!

Ювелир повернулся к Торнсону.

– Я предъявлю иск, месьор.

– Хорошо, – сказал Торнсон. – Хорошо, месьор Кинуй, мы принимаем обвинение. – Он положил тяжёлую ладонь на плечо Зельды. – Ступай, воровка! Вперёд! Пошевеливайся!

***

Все авантюры Одхана неизменно увенчивались успехом. Дело было в том, что перед разработкой их плана он собирал все возможные сведения, вплоть до ничтожных мелочей. Затем тщательно наставлял своих людей, заставляя их зазубривать каждый шаг, запоминая каждую деталь. Поэтому всё шло, как по маслу.

Для получения необходимых сведений Одхан обращался в частную вороловню, где в основном служили люди, за те или иные прегрешения уволенные из армии или городской стражи. Это не смущало Одхана. Они были весьма опытными агентами, не гнушавшимися никакими методами.

За четыре дня до ареста Зельды он поручил одной из таких вороловен узнать всё о её образе жизни, прошлом, окружении и тому подобном.

После непрерывной слежки Одхан получил исчерпывающие сведения. Он узнал о существовании писаря Хольда, о том, что осенний праздник предполагалось отметить на квартире у Зельды, и о том, что Зельда всегда делает покупки в лавках на своей улице. Затем Одхан поручил двум своим ищейкам разузнать все, что касалось Хольда. Эти сведения заставили его задуматься. Он сказал Сигурду:

– Этот Хольд – учёный червь, глаза на девицу повесил, как голодный пёс на кость. Если не убрать его сейчас – будет как заноза у нас всё время торчать.

Сигурд кивнул.

– Можешь не беспокоиться.

Вечером того же дня, когда арестовали Зельду, двое всадников-северян остановились в полтораста локтях от её дома на противоположной стороне улицы. Ульф и Сигурд сидели в сёдлах, изредка перебрасываясь ленивыми фразами.

Скоро появился юноша в сером плаще.

Ульф осклабился.

– Вот и женишок, – прошипел он сквозь зубы.

Наездники наблюдали, как высокий, гибкий молодой человек взбежал по лестнице дома Зельды.

Хольд повторял про себя, что сегодняшний вечер станет поворотным для всей его жизни. Открыв дверь, он вступил на тускло освещённые ступени, где слабо пахло пережаренными специями. В его синем бархатном кошеле покоился серебряный фамильный браслет. Долгое время в его семье он служил женщинам верным доказательством их принадлежности к роду Хольд. Молодой человек надеялся, что Зельда не устоит перед его предложением.

Поднимаясь на второй этаж, Хольд, как и всякий мужчина, гадал, чем же его будет кормить будущая жена. Зельда как-то обмолвилась, что она превосходно готовит, и Хольд с радостью доверился её словам. Но даже если пища, приготовленная ею, будет совершенно несъедобной, он не изменит своего решения жениться. Было в этой девушке что-то, от чего в его жилах воспламенялась кровь, а сердце замирало от восторга. Он уже не представлял жизни без Зельды.

Хольд постучал в третью дверь на втором этаже. Пока ждал, поправил блио и расправил плащ. Немного удивлённый долгим безмолвием, постучал ещё раз. За дверью не слышалось ни звука.

Хольд поспешно начал спускаться вниз, тревожные мысли посетили его.

Выйдя из дома в сумерки, он уже собрался было искать дилижанс, когда скрывавшийся в тени Ульф ударил его рукоятью кинжала по голове.

Это был рассчитанный удар – Ульф всегда знал, как лишить жертву сознания, не убивая. Осторожно прислонив бесчувственное тело к стене, Ульф свистом позвал сообщника. Вдвоём они перетащили безжизненное тело Хольда в густые заросли кустарника.

– Смотри не прибей его, – предупредил Сигурд. – Две седмицы горячки – и ни мыслей о девке, ни чернил на пергаменте.

– Знаю, – огрызнулся Ульф. В то время, как Сигурд возвращался к лошадям, он с подпрыгиванием сильно ударил Хольда в лицо ногой.

Усевшись в седло, Сигурд глянул на луну. Приближалась полночь. Сдвинув капюшон на нос, он расслабленно сгорбился и прикрыл глаза.

Скоро вернулся Ульф. Тщательно вытер сапоги из тюленьей кожи о траву и запрыгнул в седло.

– Дело сделано, – сказал он, прибирая узду. – Две седмицы он не поднимет головы – этого хватит… Куда отправимся теперь?

Сигурд восхищался Ульфом. Тот умел бить так, что жертва оказывалась на волосок от смерти, но все же выживала, хоть и не без труда.

– Куда отправимся? – Переспросил северянин, возвращая капюшон на затылок. – В кабак, пропьём его браслетик. А завтра – в суд ассизов. Наведаюсь туда один.

– Отлично, – воодушевился Ульф, направляя коня вдоль улицы.

***

Утром Сигурд возвратился на постоялый двор «Лужитания» и поднялся на верхний этаж Одхана. Он нашёл его на террасе, рассматривающим далёкие огоньки празднества внизу и молодёжь, все ещё купающуюся в тёплой, залитой солнечном свете, реке.

Одхан повернулся, услышав, как по песчаным блокам террасы Сигурд печатает шаги.

– Ну?

– Всё исполнено как надо. Девица теперь в каменном мешке на неделю, да ещё и кошель её на двадцать монет серебром полегчал. Судьи – старые псы, что лают на юбки да лижут руку, что золото суёт. Взглянули разок – и сразу приговор готов. Святое правосудие…

– Хольд?

– Хех… Лежит теперь в госпитале, рот не разожмёт – даже имя своё вспомнить не может. Ребра в щепки, целые кости по пальцам пересчитать можно… Жив пока что. Но не скоро он языком зашевелит – а нам того и надо.

Одхан вздрогнул. Он не любил подобного обращения с людьми, но успешно работать на барона по-иному было нельзя.

– Дело сделано чисто – хвала вашим северным богам, – сказал он, мельком глянув на галдящую толпу на берегу. Он завидовал молодым, их беззаботности. – Что до девицы… когда стены тюремные выпустят её, доставьте ко мне без суеты. Пусть служанка опрятная наведается в её жилище – собрать платья, гребни, что там ещё у них… и заплатить хозяину за кров на два месяца вперёд. Чтоб ни шума, ни лишних глаз.

– Как прикажете, господин. – Сигурд выжидательно глянул на Одхана. – Жду дальнейших указаний.

– Не время ещё.

Одхан вытащил из кошеля горсть серебряных монет и протянул их Сигурду.

– Ещё семь дней – и все ниточки сойдутся в наших руках, – сказал он. – А пока… пусть думает, что судьба её пожалела.

– По рукам, – Сигурд взвесил в ладони монеты, удовлетворённо хмыкнул и удалился.

Одхан ещё постоял какое-то время на террасе, перебирая в памяти все указания барона. Когда Одхан брался за какое-нибудь дело, оно целиком поглощало его. Сумасшедший колдун и семьсот золотых! Пожалуй, барон прав – это и вправду самое сложное дело из всех, которые он выполнял для Эрроганца. Впервые в его голову закралась беспокойная мысль – а вдруг он не выдюжит, и план закончится провалом?

* * *

Кэнзи была рабыней Ульфа. Прошлым летом её за долги обратили в рабство и, без сомнения, могли бы продать какому-нибудь виллану, который использовал бы её не только на полевых работах.

Ульфу всегда нравились красивые создания. И на любой местный рынок рабов он смотрел, как волк на овчарню. Он сразу выделил Кэнзи. Высокая, прекрасно сложенная брюнетка с большими голубыми глазами и тонкими нервными губами. Глядя на неё, выставленную в изодранном платье, скорее распалявшем мужскую фантазию, чем скрывавшем женские прелести, никто бы не подумал, что она девственница и что сама мысль откинуться на спину перед мужчиной повергает Кэнзи в трепет.

Ульф Кэнзи выкупил. Девушка пыталась утешить себя мыслью о том, что могла бы попасть в лапы какому-нибудь порочному старику, а не этому свирепому северному варвару. Хотя, её воображение всё равно рисовало развратные и отвратительные картины будущего. Стыдливо прикрываясь и прячась за широкой спиной своего нового господина, Кэнзи горестно размышляла об этом.

Приведя её в свой дом, варвар усадил девушку за стол и предложил поесть и выпить. Сам Ульф присел рядом. С девушками он вёл себя мило, сыпал шутками и непринуждённо болтал всякую отвлекающую чепуху. Его внешность, грубоватая, но не отталкивающая, доверительная манера, с которой он разговаривал, успокаивали Кэнзи. А когда он сказал, что Кэнзи была лучшей из всех девушек на рынке, она почувствовала к новому господину смешанное чувство признательности и опаски. Они разговаривали на отвлечённые темы о прошлой жизни, но Ульф всегда был нетерпелив. Ухаживать, говорить любезности, дарить подарки и делать тому подобные вещи, подбираясь к цели медленно, он не умел. Всё это было не для него. Не так его воспитали там, откуда он родом. Нет, Ульф воспринимал отношения двоих предельно просто. Девушка эта – его, и выбора у неё не было. Поэтому, когда она наклонилась над столом, чтобы налить себе в кружку воды, Ульф ничтоже сумняшеся запустил ладонь под её платье… Пальцы сжали её плоть.

На какое-то мгновение Кэнзи застыла от ужаса. Когда горячие твёрдые пальцы коснулись сокровенных частей её тела, её кожа покрылась пупырышками. Резко развернувшись, она отбросила руку и ударила обидчика кружкой по лицу. Глиняная посуда раскололась, рассекла нос, и лицо Ульфа залилось кровью. Кэнзи, как безумная, вскочила и забилась в угол.

Северянин зажал рану тряпкой.

– Неплохо проделано, подружка, – пробурчал он одобрительно. – Так даже я не сумел бы.

Его узкие голубые глаза сверкнули, когда он продолжил:

– Спасибо за науку.

Ударить Ульфа было столь же опасно, как наступить на гадюку. Кэнзи понятия не имела, в чьи лапы попала. Ей было очень стыдно и омерзительно, она была возмущена. Её кожа горела, словно прикосновение чужих рук оставило на ней жгучий яд.

Когда кровь запеклась, северянин набросился на неё. Не успела Кэнзи и пикнуть, как Ульф ударом в подбородок свалил ее на пол, а потом затащил на кровать. Он сорвал со стены конскую уздечку и привязал Кэнзи за руки к резной спинке кровати…

За несколько кошмарных дней и ночей порки кнутом и насилия он превратил Кэнзи в покорную рабыню. Когда Ульф убедился, что ее воля окончательно сломлена, он позволил себе покинуть дом, наказав ей сходить в лавку, купить продуктов и приготовить еды. Сейчас она была готова удовлетворить любые требования Ульфа, лишь бы он больше не бил её.

Так Кэнзи стала рабыней Ульфа.

Через два дня после ареста Зельды Кэнзи подошла к дому госпожи Агнес. Кэнзи чувствовала себя лучше: следы избиений зажили, а незадолго до этого Ульф подарил ей новое платье, обувь и узорчатые шпильки для волос. Девушка почти смирилась со своей участью, и теперь хотела как можно лучше выполнить волю своего повелителя.

Она постучала, и госпожа Агнес открыла дверь.

– В чём дело, милая? – Спросила она с подозрением, кутаясь в неопрятный плед.

– Я Кэнзи, – проговорила гостья, повторяя слово в слово то, что приказал говорить Ульф. – Я кузина Зельды. У неё случились неприятности, как это всем известно. Сюда она не вернётся. Я пришла, чтобы уплатить за квартиру и забрать её вещи.

– Гнусная воровка! – Зазвучал в голосе старухи праведный гнев. – Подумать только! Она заслуживает большего наказания! И ты не получишь её вещи до тех пор, пока не уплатишь за квартиру… Она должна мне за месяц. Это три монеты серебром!

«Дай ей столько, сколько запросит – пусть даже цену втрое заломит. Лей серебро в её горло, пока не захлебнётся, – велел Ульф. – Лучше разориться сейчас, чем потом платить палачу за её язык».

Кэнзи открыла кошель и отсчитала деньги. Госпожа Агнес осмотрела монеты, попробовала каждую на зуб, потом кивнула.

– Ключ. Не заставляй меня искать его на твоём теле.

Хозяйка дома вздрогнула. Брюнетка с привлекательным личиком оказалась опасной.

– Ишь ты, кузина… Да у Зельды даже вошь на платье – и та пришлая была! – проворчала старуха, копошась в своих лохмотьях.

– Да повешевеливайся же, любезная госпожа Агнес! Осмелюсь доложить, что моё терпение – не бездонный колодец. – Поторопила Кэнзи, и, возвращаясь к назубок заученному тексту, сказала. – Она выйдет – и я её заберу. А твои промедления… могут не понравиться моим друзьям, – добавила она от себя.

Госпожа Агнес фыркнула и вытащила из-под пледа ключ, висящий на обветшалом шнурке.

– Да уж, обратно я ее больше не пущу. Забирай всё – даже сор из углов! Чтоб ни пушинки от неё не осталось!

Она закрыла дверь.

Кэнзи зашагала наверх. «Ульф будет доволен, – думала она. – А я и не гадала, что всё так просто выйдет!»

* * *

Одхан решил, что следующий шаг авантюры он сделает лично. Ни Сигурд, ни Ульф не смогли бы найти общий язык со Змееустом, содержащим приют для душевнобольных.

Вечером Одхан остановил вороного у внушительного особняка за высокой оградой из плотно подоганных друг к другу грубых неотёсанных столбов, измазанных дёгтем и усыпанных керамическими осколками, смотревшего чёрными зияющими окнами на порт Рыбацкой слободы, и несколько раз дёрнул за верёвочку у ворот.

Где-то за бревенчатой изгородью зазвучал колокольчик, и на звук вышла поблекшая женщина средних лет. Испытующе взглянув на посетителя, через площадку со злобными псами, которых женщина привычно отшвыривала пинками, она провела его в просторный холл.

– Господин доктор скоро выйдет, – сказала она.

Он кивнул и, присев на одну из клеток для особо буйных больных, осмотрел неприглядный приют для сумасшедших.

По заплесневелым стенам, цепляясь за ржавые решётки, сквозь которые струился тусклый свет угасающего дня, ползли тени. В коридорах, пропитанных запахом гниющей соломы и человеческой немощи, бродили бледные фигуры – одни шептали бессвязные угрозы, другие выли, словно затравленные звери. Их лица были изуродованы годами страха, кожа под рубищем была покрыта язвами а, глаза – пусты, как у мертвецов, к облегчению Одхана, лишь ненадолго останавливались на нём.

Некоторые из них сидели, прижавшись к стенам, царапая камень обломками ногтей, пока из-под них не начинала сочиться тёмная кровь. Другие метались в цепях, их крики сливались в один нескончаемый стон, будто само нергалово царство отверзло свои врата в этом проклятом месте. Надзиратели, грубые и пьяные, лишь изредка обращали внимание на самых отчаяных из них для того, чтобы ударить дубинкой или выплеснуть в лицо ушат ледяной воды. А в самых тёмных углах, где даже свет боялся задерживаться, что-то шевелилось – не люди, не тени, а нечто, что когда-то могло ими быть…

Через некоторое время этого гнетущего представления дверь в кабинет отворилась, и принявшя Одхана женщина торжественно объявила:

– Господин Змееуст ждёт.

Одхан, обходя застывших в зловещих позах сумасшедших, подошел к дубовой двери. Женщина открыла дверь и отступила в сторону с тем, чтобы тут же плотно прикрыть её за спиной визитёра.

В кабинете за столом сидел высокий костлявый человек в черном блио. Справа от стола, вдоль стены, выстроились шкафы с разнообразными манускриптами.

– С твоей стороны было очень благородно принять меня столь быстро.

На лице Одхана заиграла улыбка. Он пододвинул кресло к столу Змееуста и уселся.

У хозяина приюта был лысый, туго обтянутый жёлтой кожей череп, черные кустистые брови «домиком», большой крючковатый нос и тонкие губы – типичное для скупердяя и крохобора лицо. Одхан сразу проникался презрением к людям с такими лицами.

Двое мужчин некоторое время изучали друг друга. Одхан был спокоен – спешка была ни к чему. Для себя он решил, что первым должен заговорить Змееуст. Наконец, тот вымолвил:

– Не от Его ли Светлости барона Эрроганца ты прибыл?

– Да, это так, благородный месьор! По воле Его Светлости барона Эрроганца прибыл я сюда. – Одхан скрестил длинные ноги, посмотрел на сверкающие закруглённые носки туфель ручной работы, затем глянул в глаза Змееуста. – Возможно, ты припоминаешь его?

Змееуст взял писчее перо и принялся вертеть ее.

– Да, его имя гремит по всей Британии, дошла слава и до нас.

Одхан рассмеялся, и смех его был подобен весеннему ветру – лёгкий, звонкий, проникающий в сердца слушателей, как мёд в уста ребёнка. Обычно окружающие, услышав его, вторили ему, как горное эхо откликается на клич охотника. Но лицо Змееуста осталось непроницаемым, как камень в стене древнего замка.

Тяжёлое молчание повисло между ними, подобно закатной тени над проавпстью. Одхан, почувствовав, что драгоценное время утекает впустую, решился действовать. Как убийца на полночной дороге, он намеревался ухватить удачу за хвост, не дожидаясь, пока жертва обнажит меч.

– У меня есть страждущий для тебя, лекарь Змееуст, – промолвил Одхан, и его голос скользнул, как тень, по каменным сводам. – Тебе придётся прервать приём на три-четыре луны и посвятить себя его… исцелению. Это не просто человек, а ключ к тайнам, которые ведут королей к престолам. За это время ты получишь пять червонцев. Даём тебе шесть дней на сборы.

Змееуст отложил перо из чёрного железа. Его кустистые брови, похожие на крылья ворона, взметнулись вверх.

– Это безумие. Пусть приходит в мой лазарет, как все остальные. Не могу я бросить свои дела ради чужих забот.

– Тебя не спрашивают, «горбыль», – прошептал Одхан, переходя на жаргон разбойников, и голос его стал зловещим, словно скрип деревнных колодок на ногах висельника. – Слушай же… В те дни, когда ересь «Чёрной Тени» пожирала души Берлоги, жил тут один чумной врач. Он добровольно явился к герцогу Фрогхаммоку, дабы испытывать свои мрачные изыскания на пленных. Тысячи людей он «простудил», пока не постиг секрет операции, которая излечивает слабоумие. Великие аптекари признали это чудом… но чудом, обагрённым кровью. Ах, были и другие его опыты… менее известные, но не менее… вдохновляющие палача. У меня есть приятель, что просто рвётся к капитану Готии, чтобы «покудахтать» о Торунне. Он уверен, что недавно видел его на улицах Берлоги. Но, конечно же, история эта к делу не относится. Так уж случилось, что мы нуждаемся в твоей помощи. У нас на руках очень важный пациент. Мы обещаем тебе пять золотых и, разумеется, молчание. Лекаря Торунна считают мертвым. Он может оставаться мертвым, разумеется, если ты согласишься сотрудничать с нами.

Мужчина в чёрном балахоне снова взял железное перо и принялся вертеть его в пальцах. Пламя свечей дрожало в его зрачках – двух бездонных колодцах, где даже свет гаснет, не достигнув дна. Его глаза, похожие на камни могильного холма, обратились к Одхану, и он произнёс:

– Любопытно… Ты сказал, шесть дней? Да, возможно, я найду время… три луны, не так ли? – Его губы скривились. – Полагаю… это возможно…– Перо замерло, и он впился взглядом в лицо Одхана. – Кто пациент?

– Это ты узнаешь в своё время, – ответил Одхан глухо.

– Понимаю… – прохрипел Змееуст, его костлявые пальцы снова закрутили перо из черного железа быстрее. – Как мы договоримся?

– Через шесть дней я приду сюда, – ответил Одхан, и голос его был глух. – Затем ты последуешь за мной в… одно место.

– Ты сказал… я получу пять червонцев? – В глазах Змееуста вспыхнул алчный огонь.

– Да. Ты получишь плату, когда мы будем довольны… твоими трудами. До встречи, лекарь, – кивнул Одхан, обернувшись у выхода.

* * *

Действуя по приказу Одхана, Ульф подъехал к таверне «Благословенная нищенка». Это заведение, пропитанное дымом очага и перегаром эля, было пристанищем для тех, кому не

по карману изысканные пиршества. Здесь толпились моряки, только что сошедшие с торговых кораблей. Их руки, привыкшие к веслам и такелажу, теперь жадно обхватывали кружки, а взгляды искали утешения в глазах продажных девок.

Музыка лилась из угла, где слепой арфист рвал струны, словно пытался вырвать душу у самих богов. Грохот кубков, хриплый смех, похабные шутки – всё сливалось в единый гул, под который так удобно было резать правду-матку или обсчитывать пьяную матросню.

Но хаос здесь был обуздан. Четверо вышибал, здоровенных, как тролли, стояли на страже порядка. Их кулаки, привыкшие крушить черепа, не знали пощады. Если кто-то решал, что эль в его жилах кипит слишком горячо – его быстро охлаждали. Драка здесь заканчивалась, едва начавшись, а буянов вышвыривали на задний двор, в конюшню, где те приходили в себя в компании фыркающих лошадей.

Капитан Готии и его люди сюда не совались – к чему лишнее беспокойство, если «Благословенная нищенка» сама справлялась со своими грехами? Здесь царил закон простой: пей, веселись, но не перечь правилам.

Примечательностью таверны были работавшие там девушки – все молодые, не старше тридцати: «одинокие дамы» и любительницы острых ощущений, желавшие подзаработать на мужских слабостях. Их наряды не оставляли места для фантазии: верхние платья с разрезом до самого бедра, обнажающие ноги в обтягивающих панталонах, и зелёные шарфы на плечах – словно знак принадлежности к этому дому.

Но настоящим центром разврата «Благословенной нищенки» была Фрина. Согласно сведениям, добытым Одханом через вороловню, эта черноволосая красавица появилась в Берлоге около полутора лет назад. Ей было под тридцать, но взгляд её тёмных глаз выдавал опыт, накопленный не в молитвах весталки, а в постелях и за стойкой таверны. Моральных принципов у неё было не больше, чем у бродячей кошки, и это лишь придавало ей очарования в глазах пришедших под этот кров мужчин.

Именно к ней направился Ульф, выполняя приказ хозяина. Переступив порог, он кивнул вышибале – здоровенному детине с лицом, перепаханным шрамами. Тот ответил дежурным приветствием, пропуская гостя внутрь.

Зал встретил Ульфа гулом голосов, густым дымом очага и тяжёлым духом пережаренных специй. За столами сидели человек тридцать – в основном подгулявшие матросы с красными от хмеля лицами, но были и несколько хорошо одетых мужчин, вероятно, торговцев среднего достатка, решивших «опуститься» в этот вечер до уровня простого люда.

Ульф сразу заметил Торнсона, управляющего таверной, и начал пробираться к нему сквозь гущу столов, отмахиваясь от назойливых девиц, цеплявшихся за его рукава.

Торнсон, высокий рыжеволосый эйри с серо-голубыми глазами и кривым, сломанным в потасовке носом, настороженно посмотрел на подошедшего варвара. Он знал Ульфа – знал, что перед ним не просто северный воин, а профессиональный убийца, и от этого в его взгляде мелькнула тень беспокойства.

– Привет тебе, Торнсон, – хрипло поздоровался Ульф, оскалив зубы в подобии улыбки. – Похоже, дела у тебя идут неплохо.

– Как сказать… – пробурчал эйри, нервно потирая ладонью заросший щеитной подбородок. – Ещё слишком рано. Ты бы видел, что здесь творится к полуночи. Сегодня в гавань зашёл торговый корабль с севера. Представляешь, сколько морских волков набьётся сюда к вечеру?

– Да уж, – усмехнулся Ульф. – А где Фрина? – Спросил он небрежно.

– Занята, – резко ответил Торнсон. – А тебе-то она зачем?

Ульф оскалил клыки ещё шире, хоть в глазах его не было и капли веселья.

– Успокойся, приятель, она мне нужна для дела. Наклёвывается одна игра… Так что найди её.

Торнсон почувствовал, как по спине пробежал холодок. Несмотря на четырёх вышибал и собственную силу, он прекрасно понимал: с Ульфом шутки плохи.

– Послушай, друг… – он понизил голос, – она слишком ценна для корчмы. Ты меня понимаешь? Я не хочу, чтобы она впутывалась в твои дела.

– Неужели? – Ульф медленно наклонился ближе, и его взгляд стал ледяным. – Как предусмотрительно. Заткнись, приятель, и приведи-ка её сюда. Иначе как-нибудь ночью мы заглянем сюда вместе с Сигурдом… и устроим настоящее веселье, какое принято там, откуда мы родом. Так что пошевеливайся, эйри.

Торнсон понял угрозу с полуслова. Он замер на мгновение, взвешивая риски, но мысль о том, что из-за одной гулящей девки, пусть даже самой красивой, не стоит нарываться на неприятности, перевесила.

– Я посмотрю… – пробормотал он и нехотя направился вглубь зала.

А Ульф развалился за ближайшим свободным столом, закинул ноги на лавку, терпеливо ожидая. Он крепко верил – Фрина придёт.

И действительно, она скоро появилась, виляя бёдрами, с трудом пробираясь сквозь толпу подвыпивших матросов, тянувших к её талии назойливые руки. Стандартный наряд «Благословенной нищенки» лишь подчёркивал её соблазнительные формы.

Она остановилась перед Ульфом, оценивающе скользнув взглядом по его лицу. Юношеские черты, светлые волосы, высокие скулы – внешне он выглядел как заурядный наёмник с севера, при взгляде на него никто бы не догадался, насколько он опасен. Но Фрина знала правду. Торнсон предупредил её, и теперь она не обманывалась насчёт этого «красавчика».

– В чём дело, дорогой? – наклонилась она так, что её дыхание, пахнущее сладким дешёвым вином, коснулось его кожи.

– Следуй за мной, – отрезал Ульф, даже не глядя на неё. – Буду ждать у выхода. У меня для тебя интересное предложение.

Фрина рассмеялась – звонко, нарочито игриво.

– Не проще ли подняться ко мне? Я работаю здесь и не могу просто так уйти. Да и вряд ли ты сможешь меня удивить каким-то предложением. Я знаю их все наперечёт.

Ульф почувствовал, как в висках застучала кровь. Рука сама потянулась дать ей пощёчину, но он сдержался. Четверо вышибал Торнсона могли испортить всё дело.

– Моим предложением ты заинтересуешься, милая, – сквозь зубы процедил он. – Речь о больших деньгах. Работа как раз по твоему профилю.

Фрина замерла, широко раскрыв глаза.

– Шутишь?

– Нет.

Он резко поднялся, достал из кошеля серебряную монету и, не глядя, сунул ей прямо в лиф, так что холодный металл коснулся кожи.

– Торопись, милая.

И, не дав ей опомниться, развернулся и направился к выходу, оставив её среди шума и гама таверны.

Фрина сжала монету в кулаке, почувствовав, как сердце забилось чаще. Большие деньги! Звон монет звучал для неё слаще любых обещаний.

Из дыма очага возник Торнсон. Его перекошенное лицо с кривым носом было искажено подозрением.

– Что ему надо? – прошипел он, хватая Фрину за запястье.

Девушка без усилия высвободила руку и разжала ладонь, демонстрируя серебряную монету.

– Понятия не имею, – равнодушно ответила она. – Говорит, есть работа. Отпустишь?

Торнсон скривил губы, окинув её оценивающим взглядом.

– Я не держу тебя на цепи, – пробормотал он. – Но смотри в оба. Этот тип – ядовитее аспида. Один укус – и даже не поймёшь, от чего сдохла.

Фрина закатила глаза и повернулась, нарочито медленно удаляясь. Её бёдра мерно покачивались, а разрезы платья с каждым шагом открывали соблазнительные изгибы ног.

Когда она вышла из таверны, Ульф ждал её в тени старого вяза, развалившись на пустой бочке из-под эля. Фрина грациозно устроилась рядом.

– Хозяин тебя не жалует, – протянула она, играя чёрным локоном. – Сравнил с ядовитым аспидом.

Ульф хрипло рассмеялся и резко шлёпнул её по оголившейся ляжке.

– Ха! Может, он и прав…

Его глаза в предвечерних сумерках недобро блеснули. Фрина невольно сжалась, впервые за долгое время почувствовав холодок страха. Но вместе с ним – щекочущее душу предвкушение. Если этот «аспид» раздаёт серебро, значит, игра будет по-настоящему опасной. А значит – стоящей.

– Хорошо, милая, поговорим о деле, – голос Ульфа стал низким. – Если сделаешь всё как надо – получишь золотую монету. Не тусклую медяшку, а настоящий золотой портрет короля.

Фрина резко вдохнула, её пальцы невольно впились в ткань платья.

– Продолжай, – прошептала она, чувствуя, как предательская дрожь пробегает по спине.

Ульф усмехнулся, наблюдая за её реакцией.

– На золотой можно год жить, не зная забот. Но сначала – работа. Мне нужен Одаберт.

Фрина нахмурилась:

– Одаберт? Этот заикающийся писарь? Что тебе от него нужно?

– Не твоё дело, – резко оборвал он. – Как у вас с ним?

Она недовольно скривила губы:

– Липнет, как смола. Говорит, женится, когда накопит денег. Смешно, правда?

– Спите вместе? – прямо спросил Ульф.

Фрина вспыхнула:

– Да как ты смеешь!..

– Отвечай, – его голос стал тише, но опаснее.

Она замолчала, потом неохотно пробормотала:

– Если он хочет жениться, зачем давать ему приз раньше времени? Что у меня, головы нет на плечах?

Ульф кивнул, удовлетворённый ответом. Ветер с моря трепал его волосы, когда он достал из кошеля золотую монету, блеснувшую в лучах заката.

– Раскрой глаза, да посмотри на это, милая.

Фрина даже перестала дышать. Золотой кругляш в пальцах северянина заворожил её. Она видела такое впервые в жизни.

– Золото, – негромко сказал Ульф. – Оно будет твоё, если ты хорошо провернёшь дело.

Он позволил Фрине еще немного полюбоваться монетой, затем убрал её обратно.

– Говори, – Фрина прерывисто дышала. – Кроме убийства, я готова на все, мой красавчик.

И Ульф рассказал.

* * *

Вдали от шумного града, в уединённом уголке залива, где тёмные волны силятся скрыть свои вечные тайны за шумом прибоя, возвышалось мрачное здание клиники Пуруса. Оно стояло, словно древний страж, посреди безупречно подстриженного луга, ограждённое высокими каменными стенами, за которыми мелькали тени охраны. За воротами присматривал старый воин, чьи вежливые манеры скрывали закалённую в боях свирепость.

Строгость сего места не знала себе равных. Каждая келья – ибо иначе их назвать язык не поворачивался – была заперта на тяжёлый замок, а в коридорах, погружённых в полумрак, бродил ещё один дозорный, чьи шаги отдавались глухим эхом. Окна, затянутые пергаментом, перекрывались дубовыми решётками. Это не тюрьма, говорил содержатель клиники… но ни одна душа ещё не покинула этих стен без его дозволения.

Клиника слыла самой престижной лечебницей на всём континенте. Пациенты её – вельможи, чьи умы потемнели от пороков, купцы, чьи души сгнили от золота, и богатые юные безумцы, чьи крики заглушались бархатом подушек. Половина из них – опасные, буйные, одержимые демонами, требовали неусыпного присмотра.

Управлял приютом доктор Пурус, а помогали ему два лекаря, писарь и несколько стражей. Одхан, тщательно изучив каждого, остановил свой выбор на юном Одаберте – писаре, чья душа сама висела на тончайшей нити.

Одаберт был молод, беден и сходил с ума от безнадёжной страсти к танцовщице из таверны. Одхан знал: золото – ключ к сердцу любой женщины её ремесла. И потому вручил Ульфу монету, целое состояние для нищего. За такую цену она склонит юношу к любому безумию.

Сам же Одаберт являл собою жалкое зрелище: высокий, нескладный, с бледным и прыщавым лицом неопытного отрока. Он уже собрался покинуть клинику, когда его остановил голос:

– Всё спокойно, Одаберт? Никаких происшествий?

Пурус, тщедушный мужчина с лицом добряка и шевелюрой, выбивающейся из-под шаперона, откинулся в кресле, и в глазах его мелькнуло нечто… отеческое.

– Не было, месьор. Правда, месьор Биргир слегка возбуждён. Я сказал об этом Керлу. Он даст ему успокоительный настой. Остальные ведут себя примерно. – Одаберт раскланялся и направился к выходу.

– До завтра, – попрощался Пурус.

– Да, месьор. Спокойной ночи, месьор.

Одаберт зашёл в конюшню, где ждал его гнедой конь – старый, измождённый, будто сама его судьба, уставшая тащить своего всадника сквозь годы. Оседлав одера и взобравшись в седло, он направился к воротам, где уже маячила грузная тень Эйфарса, сторожа, чьё тело хранило раны былых сражений, а душа – тени давно утраченных иллюзий.

– Привет, Одаберт, – прохрипел старик, распахивая тяжёлые створы. – Ну что, как поживает твоя чаровница, за которой ты так усердно бегаешь?

Юноша выдавил подобие улыбки, неискренней, как у ростовщика.

– Завтра расскажу.

– Смотри не натвори такого, о чём потом и вспомнить нечего, – пробормотал Эйфарс, и в его глазах вспыхнула старая, горькая зависть к молодости. – Я и сам когда-то шёл по дороге приключений, пока… но это уже другая история. Обещай, если что – поведаешь мне, позабавишь старика.

Одаберт кивнул, но едва ворота захлопнулись за его спиной, маска вежливости рассыпалась в прах. Дорога, извивавшаяся вдоль реки, вела к городу – к тому самому месту, где танцевала в свете чадящих ламп Фрина.

Он уже проклинал тот день, когда проболтался Эйфарсу о ней. Но кому ещё было поведать? Другие лишь поглумились бы над его наивностью, а старый страж слушал, не перебивая, и в его взгляде читалось нечто, похожее на понимание.

Три месяца назад…

Та ночь выдалась душной, как предсмертный вздох. Комната Одаберта, крошечная и пропахшая плесенью, сжимала его, словно узилище. В отчаянии он вырвался на улицу, бродил

по опустевшим переулкам, пока случай не занёс его в таверну «Благословенная нищенка» – пристанище для тех, кому идти больше некуда.

Кораблей в гавани не было, и зал почти пустовал. Лишь несколько пьяных теней копошились в углах, да на скрипучем полу кружилась Фрина – единственный свет в этом царстве тьмы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.